

45039
александр Файноберг

ЕЛОТРЕКИ

александр
файнберг.

OK

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ЛКСМ
УЗБЕКИСТАНА
„ЁШ ГВАРДИЯ“
ТАШКЕНТ · 1965

СТИХИ

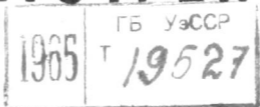
александр

Файнберг

v

45039

ВЕЛОТРЕКИ

здесь девочка одна
 училась плакать,
 мечтая стать
 известной чемпионкой.
 По лунным площадям
 вели нас плиты.
 И в темном тупике
 возле ограды
 она однажды,
 управляя свитер,
 по-взрослому сказала мне:
 — Не надо...

И вот опять вихрастая
 и странная,
 она идет,
 как маленький рассвет.
 Она идет
 из долгого тумана,
 толкая впереди
 велосипед.
 И вслед за ней
 широкие, как реки,
 холодными
 дождливыми ночами
 все дальше
 уплывают велотреки,
 которым ни конца
 и ни начала...

* * *

Ах, какое серебро из-под копыт!
Белый ветер под полозьями звенит.

За ушанкою свистящая пурга.
В поднебесье запрокинуты рога.

Ах, олени с головами королей!
Только пар из запыхавшихся ноздрей.

Только ветер, словно вожжи, по лицу.
Подлетаем к леденелому крыльцу
и клубимся у распахнутых дверей,
грузим почту для заждавшихся парней.

Ах, олений быстроногий белый труд!
Только вскочишь, только тикнешь и рванут.

А в глазащах безразличие и тьма,
словно знают, что не будет им письма.

И несутся, и торопятся назад.
И под ноги на дорогу не глядят.

А вокруг — обыкновенные снега.
В поднебесье запрокинуты рога.

* * *

Отгрохали небесные аварии.
Шальные ливни
                                вымыли погоду.
Весенней ночью город —
                                как аквариум.
И я, как рыба,
                                плаваю по городу.
Скользят по тротуару
                                каблуки.
К окраинам иду неторопливо.
А темные проезды —
                                как проливы.
И светофоры —
                                словно поплавки.
Над городом
                                безмолвствует апрель...
Он тих и нов,
                                как звездный рыболов...
Как в мире
                                затонувших кораблей,
Брожу среди погашенных
                                домов.

* * *

Я обожаю
                                утренние рынки,
где вся земля
                                пестра, как карусель,
где пробуешь
                                всего по половинке
и досыта напробуешься всем.
Люблю, когда заманчиво
                                и грузно
взошедшие от неба и росы,
огромные
                                прохладные арбузы
со звоном
                                ударяют о весы.
Они летают,
                                вертятся, как глобусы.
А мимо,
                                на крышках тяжелы,
умытые
                                воскресные автобусы
уносятся от шума и жары.

* * *

Помнишь,
                    звенели ночные трамваи,
и мы лучше взрослых
                    жизнь понимали.
Бродили,
                    легко отвергали истины,
Часами
                    топтали шуршащие листья.
Конечно,
                    мы просто дружили сначала.
Потом ты взяла
                    и на годы умчалась,
А я и не думал даже,
что это хоть чуточку важно.
И вот ты пишешь
                    о счастье, о муже,
Зачем ты пишешь?
Кому это нужно?
Строгий работник почтовый
считает слова мои снова,
Пусто здесь,

Редко очень
сдают телеграммы ночью,
тем более,
                            поздравительные...

Стою один.

                            Удивительно...

Пусто.

Беру квитанцию

и снова бреду на станцию,
с которой ты уезжала.

Мы просто дружили сначала.

Болтали о сложных истинах,

                            простого не понимая..

Шуршат под ногами листья.

Звонят пустые трамваи..

* * *

Над равниною звезды —
  как бусы.
Я бреду вдоль степной тишины,
А в карманах дыряво
  и пусто.
И карманы совсем не нужны.
Свистнешь степью —
  никто не догонит
Звук, летящий
  к обрывам косым.
Далеко моей маме сегодня
Снится взрослый
  умнеющий сын.
Что однажды
  осеннее утро
Он разбудит
  охрипшим звонком...
Но шоферы
  на поздних попутках
Называют его леваком.
И срывается
  крик журавлиный,

Словно падает в небо
звезда.

Вдоль по трактам
на синих равнинах

Затаенно звенят провода.

И бродяжно,
как в ночь на перроне,

И недаром
собой озарен

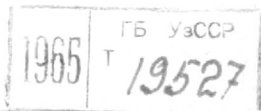
Пляшет месяц
на черном гудроне

Так, что светится
черный гудрон...

* * *

Лечу, С вокзала я,
   жую,
   глазею.
 И мыслю, как жилец иных миров —
 а вдруг командированным на землю
 в гостиницах
   не хватит номеров?
 Мерцали мне
   ночные чемоданы,
 стучали подо мной
   меридианы,
 и звезды,
   словно синие плафоны,
 с размаху
   разбивались о платформы.
 Но в поездах,
   как тень, ко мне прирос
 один всепоглощающий вопрос —

а вдруг я в толкотне командировок
не отыщу для жизни заголовки?
Я начинаю чувствовать
круженье.
Я забываю
правила движенья.
Я устаю,
и обувь мне мала,
и целый день
не клеются дела.
Но по ночам пылают,
словно лампы,
над городами
главные почтамты.
И чудится, что ты одна
спасешь,
что ты
на эти площади придешь.
В моей судьбе
дрожат, как огоньки,
твой
междугородние звонки.
Высокие,
невиданные волны
несут меня к тебе
с переговорной.
Я чувствую их светлые накаты.
Я на ходу
заскакиваю в пятый
и медленный троллейбус тороплю
и всех в своем волнении топлю...
...Но там четверг,
а здесь еще среда.
И пятый едет вовсе не туда.

* * *

В мире огней новогодних,
  хоккейных,
снежных подружек
                        и чашек кофейных,
в праздничном громе лифтов —
где пропадаешь, Ритка?

Где ты смеешься, плачешь
тихая, как секрет,
ездишь, узоры пальчиком
трогая на стекле?

Учишь законы, даты
и за столом одна
с книгой по диамату
шепчешься допоздна.

Или замком английским
  хлопнувши на ходу,
таешь бенгальской искоркой
на подмосковном льду.

Как ты глядишь серьезно
в скованность зимних рек.

Кто тебя любит, проза,
чудо, 30-й век?

Зимние каникулы

Почему все так ярко и увеличенно?
Почему все так снежно и электрично?
По какому велению,
  отраженно пылая,
в зимний город мой
  линза
  дирижаблем всплывает?

Стала тесная улица
  шире, чем Волга.
И сосед, увеличен в размерах
  стократно,
тянет санки, как баржу вдоль берега
  волоком,
а на санках дрова,
  как столбы телеграфные.
Всех киношников мира
  скорее зовите!
Так беззвучно витают
  снегопада кометы.
Это ново во мне
  и так удивительно.
Наступаешь —
  и яма в снегу
  с кубометр.

Там в прозрачную будку
входит мощное туловище,
вертит круг телефонный,
набирает количество,
и живот, словно глобус,
на застегнутых пуговицах
на ногах, как на сваях,
над землю колыхается.
Он трубой своей черной
АТС растревожил.
Он пророчит мне
самые страшные участи...
Только нет тебя дома.
С леденелой подножки
увеличенно смотришь
на центральные улицы.
В небе окна
широкоформатно полощутся.
Бьет о снег
фонарей голубой купорос.
Катит зимний автобус
океановой площадью,
как высотное здание
из стекла и колес.
Этих кадров огромных
кино не снимало.

Ты смеешься
и дышишь мой новый ландшафт.
И у губ твоих яблоко,
от мороза туманное,
хочет лопнуть
и снег просыпать
на шарф.

* * *

В Лозовеньках тихая вода.
Берега малиной занесло.
И, качнув тугие провода,
утонуло солнце за веслом.

Стукнет в берег синяя корма.
Засмеешься — серьги на весу.
За ладони выведешь сама
босиком в холодную росу.

В Лозовеньках тихая вода.
На траве примятые следы.
До утра зеленая звезда
падает в прозрачные пруды.

Кап — роса на белый воротник.
Кап — на грудь. И светится, как брошь.
Ранним перелеском напрямик
к шумной электричке проведешь.

И подаришь право приезжать
и, ловя дыханье со стекла,

в тамбуре спокойно понимать,
что вода, действительно, тиха.

Что забудешь этот переезд
или постараться забыть,
потому что просто надоест
попусту на почту приходить.

* * *

По улицам
крутящимся и быстрым,
Удрав от санаториев и дач,
Накаченный до звона
любопытством,
Я бегаю,
Я прыгаю,
как мяч.
Мне любопытно,
что Земля — поката.
И почему
сегодня — не вчера.
И почему расклеены плакаты.
И почему ворона —
не пчела.
Философом в догадках растворяясь,
Часами пропадаю на реке.
А ночью
за троллейбусы цепляюсь
Глядеть,
как звезды едут на дуге.

Я Землю познаю
в ее кружении.
Я бегаю.
Мне некогда зевать.
Я слушаю
полеты и движения.
Ах, как прекрасно
жить и узнавать!

А утром,
когда буквы расплываются,
Я открываю двери на балкон.
И голова от книги
раздувается,
Как будто в ней
ворочается слон.
Со всех сторон
включаются приемники.
Я спать ложусь.
Но даже в полусне
Я слушаю про новые коровники,
Что применяют
где-то на Десне.
Поет француз. Передаются повести.
Стихи свои
читают литераторы...

И снится мне,
что я стою на полюсе,
Вращая свои уши,
как локаторы.

Дважды два

Я снова школьник.
Такая история.
Ночным воришкой
в открытую раму.
Дверные ручки
блестят в коридоре.
Пустые классы
молчат, как храмы.
Плыву на цыпочках
мимо вахтера
и сквозь вестибюльные
длинные тени,
в десятый «А» скользнув полотером,
сажусь за парту,
сбивая колени.
Я снова школьник.
Пишу диктанты
и на контрольных у Циркульмана,
соседней парте
шипя: «Атанда»,
сюю шаргалки
по всем карманам.

Наш лысый Циркуль
Уроки — цирки!
Портфели прячем,
катаем мячик.
Девчонкам назло —
промакашки в чернилки
и с алгебры дружно
сбегаем на матчи.
На фокусы наши
душу он тратил.
Но с первого «А» до последнего «А»
у всех
шаржировалась в тетрадах
его плафонная голова.
С первого «А»
до последнего «А»
усвоено легкое
дважды два.
Все треугольники решены.
Мамы на вечер
приглашены.
...Другие диктанты,
другие масштабы.
Гудели вокзалы,
ругались прорабы.
Вставали над нами
кирпичные стены.
Звенели нешкольные перемены.
От тех перемен
словно черти шалея,
мы туго скатывали шинели,
шагали,
мишени дырявили в тирах,

печки топили
на зимних квартирах
и, арифметику постигая,
на кузов буксующий налегали.
Учили сержанты
конкретно,
сжато.

Цедили бывалые: — Салажата.

Мы уставали.

Мы задыхались.

Но, обижаясь,

опять поднимались
и, хлюпнув,

гребли сапоги семимильные
по солнечным лужам

разводы чернильные.

Но вот погоны

сданы старшинам.

Асфальт, шелестя,

убегает под шины.

Нас провожает

полковник из штаба.

Другие вокзалы,

другие масштабы.

А ночью сегодня

набрался смелости —
через окно

в аттестацию зрелости.

Снова под локти

наклонная плоскость.

И словно заочное

рукопожатие —

инициалы и папироска,

забытые мне
   моим продолжателем.
 Спасибо, дружище.
 Чиркаю спичкой.
 Обрывки формул
   с доски белеют.
 Я снова школьник.
 И по привычке
 у подоконника
   жмусь к батарее.
 Тройки, пятерки —
   дальнее, давнее,
 как в мелких арыках
   бухты и гавани...
 Серыми стали
   низкие стены.
 Кафедра — словно в стекле
   уменьшительном.
 Я снова школьник.
   Жду перемены.
 Хочу подойти
   к своему учителю.
 Хочу поделиться,
   такая история,
 дневник — лохмотья,
   уроки — цирки.
 Но я не дождусь
   звонка в коридоре,
 чтобы сказать:
   «Прости меня, Циркуль».
 Не знал я, что в мире
   так много хорошего,
 не знал я,
   что были мы очень тяжелыми,

что в мятом пальто
и больших галошах
без нас ты однажды
уйдешь из школы,
что время затихнет,
секунды чеканя,
и глядя в больничный
кривой потолок,
беспомощно вдруг
замигаешь очками,
с болью почуяв
последний звонок.
И разбегутся
горошины белые.
Халаты тревожно
метнутся из тьмы.
И даже профессор
уже не сделает
того,
что так глупо не делали мы.
Прости меня, Циркуль,
я бы не плакал,
но трудно дается нам
дважды два...

Пустой коридор.
На двери
в полумраке
мерцает табличка:
10-й «А».

* * *

Последних дач кривые загородки.
Окраины в прощании, в бреду.
Качаются покинутые лодки,
и вздрагивают листья на пруду.

Ты возле осени одна живешь,
печалишься.

Ты в синем воздухе
травинкою качаешься.

Тебя зовут холодные сады,
по заморозкам хрупкие следы.

От школы, от тетрадок ученических
(ах, надоели мне ученики!)
ты, как лунатик, ходишь в Ботанический.
Кувшинки там прозрачны и легки.

Ты кутаешься в тонкое пальто
(ах, боже мой, ведь это всё не то!).

Осеннее мерцание лирично...
Как сказочно

не думать, не болеть,

над грохотом летящих электричек
в холодный пруд, как в зеркало, глядеть.

Ты трешь виски.

Ты жалуешься: — Нервы...

Люблю, когда природа и вода...

Кувшинки в инее,

как дарусники белые,

не шелохнутся.

Светятся со дна.

* * *

В пустой ночи
звонят мои коньки.
Они бегут
с собой вперегонки.
Дышу в ладони,
Сердце укатал.
Под свитером
Стучит на весь квартал.
У всех афиш
торчу, как остолоп.
До красных туч
дымит моя башка.
А снег валит,
как будто из мешка.
С часок постой
и вырастешь в сугроб.
Зима на осиянных площадях.
Троллейбусы,
как синие слоны,
уснули
декабрем занесены.

И памятникам вольно,
как в морях.

Курю я в шарф.
Под деревом стою.

А ветви —
как заснеженный салют.

Ударь коньком
по гулкому стволу,
и тихие хлопушки
упадут.

Я помолчу.
А после отряхнусь
и покачу по городу
одни.

И где-нибудь с дороги
оглянусь
и не пойму,

зачем я приходил.
Но чувствую,
что очень повезло,
и что не зря над городом
вчера

Снегурка
безнадежно и светло
аукала кого-то до утра...
Звеню я

по безмолвным мостовым.
И нет машин.

И фонари на льду —
как будто отражаются
в пруду
светящиеся призраки
Москвы...

Сказна про желтого гнома

Желтый гном —
                                 осенний царь —
 Нес подмышкою
                                 букварь,
 Видно, не было
                                 у гнома
 Высочайшего диплома.
 Провожали старички —
 Золотые колпачки.
 И под сенью
                                 сентября
 По траве
                                 шуршали тени.
 Топал гном
                                 в дворец осенний
 Добывать
                                 диплом царя...

На стеклянную полянку,
 Где стоял
                                 стеклянный дом,
 За принцессою
                                 Стекланкой

Забегал
                  осенний гном.
Шли сандалики
                  по кочкам.
И принцесса
                  рядом с ним,
Как прозрачный
                  колокольчик,
Шла с портфеликом
                  лесным.

Но пузатый
                  хитрый Желудь —
Злой обманщик
                  и обжора —
Как-то утром
                  возле дома
Подстерег
                  принцессу с гномом.
Из канавы
                  выползали
Желудиные войска,
Руки царские
                  вязали
К стеблю
                  желтого цветка.
А Стеклянку
                  за границу
Из страны
                  осенних грез
На хрустальной
                  колеснице
Желудь с хохотом
                  увез.

Желтый гном —
                                осенний царь.
На траве лежит
                                букварь...
Далеко теперь
                                экспрессы
Мчат
                                стеклянную принцессу...
А в стране
                                забытых гномов
Царь остался
                                без диплома.
В старом доме
                                старички
Уронили колпачки,
Потому что
                                желтый гном
Стал жестоким,
                                злым царем.

Но когда приходит осень
На стеклянную полянку,
Злое царство
                                позабросив,
Гном аукает
                                Стеклянку.
Кулачки свои
                                трагично
Прижимает он
                                к груди...
А на гнома
                                безразлично
Льют стеклянные дожди.

Археология.

31 декабря

Неужели Новый год?
Новый снег? Новый лед?

Партизаны, робинзоны,
черти, мамонты, бизоны —
согреваемся вповалку.

Ах, морозит за палаткой!

Все бутылки, ах, чисты!
Аж звенят от пустоты.

А под нами дрыхнут эры.
Камни судеб, войн и книг
стали углем, стали мелом.
Мы лопатой тычем в них.

Словно миски на троих,
светят лица поварих.

Степь, раскопки, валуны.
Руки, ноги — ледяны.

А над нами,
над снегами,
словно елочный наряд —
звезды хрупкие горят.

Как ты учишься, живешь?
По каким морям плывешь?

В деканатах, кинозалах?
В ожиданьи телеграмм?

Ходит полночь динозавром
вкруг палатки по снегам.

На морозных расстояньях,
как небесные мосты,
до полярного сиянья
спят уральские хребты.

Там за горным великаном
меж созвездий и поэм
новогоднею светланой
проплывает буква «М».

В теплых варежках, в зиме
Ты ступаешь по земле.

Ах, как колетса ледок!
Колокольчатый снежок,

он спускается,
не тает,
прячет звонкие следы,
словно иглами,
мерцают
за оградами пруды,

как неоновый парад,
в небе вывески парят.

Ты по улице спешишь.
Белым ботиком скользишь.

Можно снег
                                губой достать —
только голову поднять.

Ах, качаются дома!

В белых варежках зима.

* * *

О весенние потоки!
О весенние заскоки!
Все
    тройными дозами.
Но под вывескою
    «Соки»
не найдешь березовый,
Все на свете перепутав,
под круженье головы
выйду буйным
    ясным утром
на пологие холмы.
Бесконтрольно!
Неподсудно!
Небо — потолок!
Солнце бьется,
    как посуда,
падая у ног.
Ах, спасибо вам, заскоки!
В синеву нырну.
Эти звонкие осколки
птицам зашвырну.

Все обиды позабуду.
Все прощу.
Руки вскину.
Сердце выну,
красным голубем пушу.
И приду веселым гостем
к вам,
у уставшим от зимы,
с первой
влажной
доброй горстью
новорожденной земли.

Геодезия.

На сон грядущий.

А я — отшельник.
Щеки
искрят, как будто щетки.
Глаза артезианские
сверкают, как полтинники.
На мне меридианы
лежат, как паутинки.

От Балтики к Берингову,
как камешки — палатки.
И бабочки былинками
порхают возле лампы.

Созвездия качаются,
как гамаки магнитные.
Глаза на них вращаю,
как теодолиты.

Светло и дикошаро
взираю над мирами.
Восходит полушарие

равнинами, горами.
В отъездах виноваты—ау!—координаты.

Лежу в мешке, а где-то
туманны, велики,
как желтые омлеты,
плывут материки.

Луна из парафина
мотается по небу.
Холмы в ночи

дельфинами
ныряют вглубь планеты.

И словно в объективах,
в глазах моих этиловых
кометы шелестят,
вращаются светила —
как яблоки висят.

Курю.

А там ютятся
Сатурны, Марсы, льды —
махорочкой клубятся
из рыжей бороды.

Там тоже не доказаны
поэты, дураки.

По Файнбергу на каждой.

Приветик, двойники!

О городах вздыхаю. Знакомых ворошу.
И трубку вытряхаю. И светлячки гашу.

Завтра спозаранку
искать канал.

В темноте морзянкой
пищит комар.

Осень 1942-го

Тузик мокнет
                под оградю.
А у нас на завтрак
                                свекла.

А у нас
                окно громадное.
Дождик капает на стекла.
Подышу и нарисую
Точку, точку,
                                запятую...

В нашей группе
                                малышовой

Все рисуют
                человечков,
А у нас сегодня
                                снова

Не топили утром
                печку,
А на улице = пикап.
Дождик, дождик,
                                кап-кап-кап...

Витька знает стих
                  про дождик.
Витькин папа
                  был художник.
Точка, точка,
                  запятая,
Минус,
                  рожица кривая.
Мама мне
                  галoши купит,
Когда буду
                  в старшей группе.
Дождик, дождик,
                  кап-кап-кап.
Дождик капает
                  на стекла.
А на улице — река.
А у нас на полдник —
  свекла...

В 17 лет

Мы танцы в парках
называли скачками.
Там девочки
на звонких каблучках,
как самые рискованные циркачки,
крутились допоздна
на пяточках.
Крутились,
издевались,
бередили
и ввали,
и смеялись без конца.
Прощаясь,
в переулки уносили
обиженные
глупые сердца.
Барометр показывал на осень.
Будильник
передразнивал сову.
Под потолком,
пронизанная осью,

Земля кружилась
 дома на шкафу.
 Был полюс северный
 и полюс южный.
 Пингвин — в Антарктике,
 а в Азии — верблюдо.
 И был еще ночной
 остывший ужин
 вкуснее всех
 изысканнейших блюд.
 Качалась вдаль
 коричневая суша
 к стране чудес
 и каменных гробниц.
 И медленно смыкались
 над подушкой
 большие крылья
 темно-синих птиц.
 По стенам звезды
 плыли невесомо.
 Под потолком
 кружились облака.
 И приходили в гости
 астрономы
 в пластмассовых
 небесных колпаках.
 Волшебники,
 смешные астрономы,
 герои марсианского кино,
 несли они
 икру из гастронома
 и местное
 дешевое вино.

И плыли в никотиновую копоть,
 качаясь в днищах
    тесаных пирог,
 сквозь стеклышки
    карманных телескопов
 разглядывать фанерный потолок.
 Но звезды, улыбаясь,
    уходили.
 Отчаянно звенели потолки.
 На стуле прыгал
    сволочной будильник,
 и наспех
    надевались башмаки,
 чтоб землю попить,
    не уставая,
 деля мой вес, как братья,
    пополам
 и в синевой обрызганных
    трамваях
 за три копейки
    мчатся по делам.
 Решая пустяковые задачи,
 спешили мы — серьезнейший народ,
 не думая,
    что спешка за удачей
 куда-нибудь нас
    все же приведет.
 Куда идти?..
 И в праздник
    у знакомых
 нам снова безысходно,
    как в плену,
 как в импортных бутылках
    из-под рома

дешевенькому
                                местному вину.
О, свитера
                                в крупнейшую полоску
и чудо-папки
                                с молнией по шву!..

Под потолком,
                                пронизанная осью,
Земля пылилась
                                дома на шкафу.

* * *

В этом доме
                        говорят о стихах.
Очень громко
                        говорят о стихах.
А особенно
                        парень в очках,
Так похожий
                        на петуха.
Все такие
                        возвышенно умные.
До того все искусству
                        преданы,
что из этой
                        компании шумной
раньше всех
                        выхожу в переднюю.
В кухне запахи плавают
                        сладкие,
но кепчонку надвинув на уши,
я щупленькой бабушке в фартуке
говорю:
— До свидания, бабушка.

И курю. И иду по улицам.
И смотрю,
как такси полночное
огибает
скверики куцые
безработно и озабоченно.
И киваю сутулому сторожу.
И, петляя домой
по городу,
я, как ежик,
от холода ежусь,
от осеннего
раннего холода...

Геодезия.

Страна Валерики.

Ветры
    брезентом хлопали.
Ветры носились над берегом.
А дыры в брезенте
    штопала
хозяйка страны Валерики,
Страны из пяти палаток
в просторе,
    от солнца рыжем,
где братством ее заплаток
на палках
    держались крыши,
где ей доставлялись на дом
ящики с лимонадом.
А мы в своей автономии,
словно в далекой
    колонии,
бензин и муку
    экономили

и воду хранили
в баллоне.

А поздним
июльским вечером,
словно из заточения,
горланили нашу беспечную
общего сочинения:

«Ах, Валерика!
Ах, Валерика!
Далека ты, страна Валерика.
Там машины плывут,
как линкоры.
Я помчусь к тебе скоро,
Валерика,
на обветренной
длинной платформе...»

Ах, страна за степями-морями
с керосиновыми фонарями!

Не страна,
а одно удовольствие.

Километрами сутки меряя,
каждый месяц
за продовольствием
мы катались

в страну Валерику.

Продавали шоферу души.

И во тьме, выжимая газ,
чудо-грезы о раскладушках
выколачивал он из нас.

Тормозили

уже под утро.

И в пыли утопив

Валерику,

из коробки
родной полуторки
мы вываливались,
как мельники.
От бессонницы
будто вымысел —
нормо-месячным эталоном
крючковатый безмен,
как бизнесмен,
нам отвешивал макароны.
Мы стояли
страшно чумазые,
неуклюжие,
как слоны,
и смотрели на большеглазую
хозяйку
целой страны,
хозяйку консервных ящиков,
хозяйку муки
и гречки,
пугающуюся ящериц
и наших соленых
словечек...
Шуточки эти глупые,
шуточки сквозь усталость
и даже выходки грубые —
все потом забывалось.
Ветры брезентом хлопали.
Хлопали от тоски.
В кузове
между коробками
пахли мукой мешки.
И без вторых интересов

что-то
чуть-чуть от счастья
везли мы
обратным рейсом
на свой отдаленный
участок.

...Ах, Валерика наша,
Валерика,
Где ты бродишь,
моя Валерика?
Где мотаются наши линкольны,
коломбины полуторатонные?
Кто к тебе
бездорожным раздольем
приезжает за макаронами?

Я спешу.
Грохочу по лестницам.
Столько дел,
что хоть пруд пруди.
И лицо твоё
с каждым месяцем
затушевывают дожди.
Суматошно живется в столице.
Но, наверное, неспроста,
словно свет голубых
экспедиций,
на закаты плывут поезда.
И когда мне легко
и весело,
и звенят подо мной
тротуары,

где-то бродит

забытая песенка
обшарпанной нашей гитары:

Ах, Валерика!

«Ах, Валерика!

Там машины плывут,

как линкоры...»

Несутся к далекому берегу
обветренные платформы...

Мама моя

Завтра осень.
Пойдут дожди.
И ты иди.

А я потом...

Промокнут стекла.
Простынут окна...
Вода холодная
по водостокам...
Надень пальто...

Ведь завтра осень.
Ведь завтра осень,
как наглый сказочник,
твой шарфик газовый
взметнет над улицей,
как шар надует,
помчит над крышами,
сорвет афиши...
И ты устанешь.
Ты молча сядешь,

как будто снова
отняли мячик.

В слезах конфеты.
В халат твой мягкий
уткнулся мальчик
в футбольных гетрах...
В слезах проснется...

Пальто свернется,
как лист от ветра.
В дверях повиснет...

Совсем, как в жизни.

Совсем, как в жизни,
оно прощается:

— Уже дожди...
Дожди уходят и возвращаются...
А ты...

Прости.

* * *

Жди скрипача.
Он в гостях у землян.
На сутулых плечах —
свет осенних полян.
Жди скрипача.
Пусть нетоплен твой дом.
Пусть хрипит по ночам
водосток под окном.

Он придет и, потуясь,
как старую боль,
будет в пальцах зачем-то
крошить канифоль.
Уронившись в колени,
пойми и заплачь.
Ты прости его.
Он ведь не вор, не палач.

И опять в канители
соседям солги,
что на этой неделе
вернешь им долги,
что под гам карусельный
на базаре землян
распродать не успели
свет осенних полян.

Зимнее

А. В.

В краю молоковозов
и утренних снегов,
где стекла из мороза —
как сборники стихов,
чуждак! неисправимая!
в избу из МГУ
вбежала с мандаринами
вся в солнце и снегу
(а пихты подвенечные
серебром звенят).

Ах, на снежках колечки
золотом горят!
Ты с белого простора
влетая на звонок,
стучишь по коридору,
как по доске мелок.
Ты учишь их эпохам.
В чернилку бьешь пером...
Россиюшка за окнами —
как аэродром.

Топографический

В. Балакиревой

Зимние акварели.
Рейсфедеры
и тревоги.
Над техникумом деревья —
как мудрые педагоги.

Прости меня, позабытое
царство теодолитов,
умственных тренажей,
муторных чертежей.

Простите. Сегодня стыдно
и даже чуть-чуть смешно
за память,
за двор пустынный,
где холодно и темно.

Наигранно девочка плачет
на секции драмкружка.
И в окна
растрепанный мальчик

глазеет
    исподтишка.
«Артистка-геодезистка
играет капиталистку...».
Простите меня,
    куратор.
На репетициях поздних
    я вижу, как литератор
рубит
    руками
        воздух.
Машут январские лебеди,
словно уносят к трамваям
пятнадцатилетнюю
    леди
с конспектом
    и готовальной,
Мне снежно на этой улице,
как на чужой платформе,
А в окнах
    причесань умницы.
Умницы
    учат формулы.
Гаснут огни постепенно.
Пусто мне и легко,
словно я снят
    со стипендии
рыженьким физруком...
Простите меня,
    куратор,
что не вернусь обратно
к практикам позабытым
в царство теодолитов.

Все получилось
                                иначе.
И лист остается чистым.
В жизни
                                растрепанный мальчик
не станет геодезистом.
И леди
                                — совсем не леди...

Над алым
                                морозным небом
машут январские лебеди,
которых на свете не было.

Филфановское

Ах, изводит меня
фонетика,
морфология,
диалектика.
От наук
с головой еловою,
как в спасенье,
бегу в столовую.
Я сегодня умен
и голоден.
Я сегодня
не ел с утра.
Над столовкой
сияет полдень
и неслыханная
жара.
Через зал прохожу
исторический
и столы задеваю
нахально.
А столы дымят
символически.

И декан жует
                                эпохально.
Через белый дымок
                                картофеля
я иду на его помидоры.
Я —
      клиент борща с философией.
Я —
      клиент из тех, что обжоры.

Помидор — это тоже
                                планета.
В каждом ломтике
                                сотни планет.
Там в столовых
                                жуют поэты,
у которых
                                финансов нет.
О, декан!
      Там живут опальные.
Там задолжник
                                сдает зачет.
Потрясающе и фатально
вы глотаете
                                этот плод.

А в окошке
                                моя буфетчица,
улыбаясь,
                                грозит заранее,
потому что
                                никто не лечится
от грядущей
                                кредитомании.

Лето в городе.

Лето в городе.

И в столовую со двора
через окна

вплывает полдень
и неслыханная жара.

Я кусаю

умытые овощи,
беспощадно и откровенно,
над салатом склоняюсь,
как чудовище,
пожирающее вселенные.

Телеграмма на север

Откликнись!

Живу я в себе невместимый.

Откликнись!

Мне душно в трамваях, в гостиных.

Из стен,

из окна,

из себя я выкинусь —

только откликнись...

(Ливень прошел, озаряя антенны,
с неба на крыши

ронял гантели.

В воздухе лопались,

как фонари,

электрические пузыри).

А после грозы

в этом городе ватном

сияет асфальт,

как умытый линолеум,

И вечера

кварталы окатывает

звездами и любовью.

Я раздвигаю оконные рамы,
Мычащим распятым
        плыву над афишами.
Кинотеатры,
        горя восьмигранно,
до неба лучат
        освещенные крыши.
(Лежишь в Подмосковье. Зрачки на подушке.
Тонет дача,
        и гаснут нервы.
Ночь напролет
        про меня лягушки
свистят,
        как лирические милиционеры).
А здесь о широтах
        машинки судачат.
Телеграфистка пряма,
        как бамбук.
К тебе,
        ломаю реле государственные,
летит, завихряясь,
        метель из букв.
Сосне,
        что гудит над глазами каспийскими,
дождям, прудам,
        дорожкам из гравия
«Откликнись!»
        — кричат телефонные диски
и вспышки центрального телеграфа.
Спаси меня!
        Вызови к телефону.
Перебеги через дачные рельсы.
Откликнись!
        Сквозь звезды и радиоволны

к трубке дыханьем прильнув,
засмейся.

О как мне хочется
встать над машинами
и между шестиэтажными кельями
швырять троллейбусы,
как апельсины,
да так, чтоб столбы
отлетали кеглями.

Откликнись!

Сердцем,
землей,
облаками

клянусь,
если за ночь ничто не изменится,
в ребра свои

упрусь руками
и вытолкнушь в небо,
к Большой Медведице.

Ночное

В. Вильчеку.

— Мечтай и люби
                                иначе...

И словно при операции,
шуршат в сигаретной пачке
твои музыкальные
                                пальцы.

— Мечтай и люби
                                иначе...
Над желтой спичкой
                                брови
сдвинулись наготове
                                взорваться

и удивленно
подняться
                                над миром огромным,
над тучами и над громом.

— Мечтай и люби
                                иначе.
А наши пути заказаны.

Вот видишь —
                                пустая пачка.
А влюбчивость — это зараза.
Другие распутья
                                нас кружат.
Проблемы стаканов
                                и кружек,
богемных подружек...
Плевать на законы
                                и правила...
Сказала,
                                как будто отправила
последнюю телеграмму...

— Послушай,
                                ведь это яма.
Послушай, ведь это
                                дикость...

Тихо.
За окнами звезды
плавают в небе бездонном.
Глаза не способны
                                на слезы.
И веки твои —
                                как тонны.

— Мальчик,
                                ты несерьезный.
Ты просто еще дальтоник.
Живем ли,
                                смеемся,
                                тонем —
кто знает?
                                Бывают грозы.

Небо ломают грозы.
Падают навзничь
березы...
Ты видел,
как они падают?
И как становятся
падалью?
О стих твой!
Такой бессильный,
он стал бы немым,
как трепет,
узнав, что серость
не синяя,
что серость
сера, как пепел.

— Послушай,
не все же падают.

— Ах, про судьбу
не надо.

Ты еще мало знаешь.

Знамя твое —
незнание.

Ты только что
вылезаешь
с открытыми в мир
глазами.

Мечтай и люби
иначе...

И словно при операции,
шуршат в сигаретной пачке
твои музыкальные
пальцы.

Над желтою спичкой
                                брови
сдвинуты наготове
                                взорваться
и удивленно
подняться
                                над миром огромным,
над тучами и над громом.
Но давят на веки
                                тонны.

Чужие,
                                не наши тонны.
Откуда они?
                                Откуда?..
Прости меня,
                                больше не буду.

Я глупый,
                                никчемный парень.
Прощай,
                                уйду,
                                не ударю.

В квартирном твоём затоне
за дверью погаснет свет...

Неисправим дальтоник
до девяноста лет.

* * *

Мне бездумно и легко.
Ничего не надо.
Пью у солнечных ларьков
утро лимонадное.

Мимо жмут вперегонки
мокрые грузовики.

А умытые газоны —
как зеленые озера.

Я спешу по мостовой.
Весело и рыже
пляшет дождик золотой
в голубых булыжинах,

и под солнцем тяжелея,
на звенящем фронте
опускаются к земле
водяные зонтики,

желтой аркою в запруде
гнется в небе радуга,

Ноябрь

В маминой комнате
  тихо и светло.
Если кулаком ударить
  по столу,
тонко вздрогнет мамино
  чайное стекло,
брызги на полу...
Может, все забудется.
Может, мы забудемся,
но метнется в комнату
  бешеный сквозняк.
Холодом пронизанный
  взмает под карнизы.
Сразу станет мелочью
  мамина возня.
Может, все забудется.
Может, мы забудемся.
Смутно и рассеянно
  смотрим мы вперед.
Там за дверью хлопнувшей
  снег ворвался с улицы.
Женщина растерянно
  свесилась в пролет.

Ну и что? Подумаешь!

Ничего не кончено.

Только вот неопытный.

Курит натошак.

Но ушел упрямо он.

И ушел настойчиво.

Он придет с победою.

Он ведь обещал...

Но приходим рваными.

И приходим прежними,

странные геологи

голубых полей,

не мешок с удачами,

а мешок с надеждами

ставим

возле маминых дверей.

Ждет она, усталая.

Как она устала!

Вот уже заснеженная,

вот уже завьюженная.

Нашим обещаниям

верить перестала.

Поздно ждет нас

к ужину.

И молчит подолгу

над своим стаканом.

Слышно, как подрагивает

чайное стекло.

Мама, где ты?

Мама.

Слышишь ли ты, мама?

Почему так тихо

и светло?..

Метель

Может, все это было?..
Чужая постель.
Ночь. Декабрь. Гостиница.
Метрдотель...
Пуст мой номер.

Не спится.

Такая метель —
падать намертво птицам.

По снежной пыли
К нам летят в колесницах
Седые цари.
И рабам, и поэтам
Они отомстят.
И нагайками ветры
Над ними свистят...

Мне не спится сегодня.
Такая метель...

Словно снег прошлогодний —
Чужая постель.
Словно все это было
Когда-то со мной.

У порога знобило.
И ветер — сквозной.
И снежинки, снежинки
Кружат во дворе.
И промерзли ботинки
На старшей сестре.
Но ворвался горячий.
Схватил, поволок.
Красоту не упрячешь
Под грохот сапог.
Ругань,
                    выстрелы,
                                    хохот.

И темень, и свет.
И под выстрелом охнув,
Опускается дед.
Чья-то баба орет,
Хоть на свет не гляди.
Красногрудый орел
Стал на бабьей груди.
Воля вольная!

Лихо

Ушли со двора...

По-кладбищенски тихо...
И стонет сестра.
И лежит на пороге
Прозрачна, легка.
Белоснежные ноги.
Лицо в синяках.
Перебитые окна.
Белесая тьма.

И снежинки, снежинки
Влетают в дома...

Ржут прощальные кони.
Что-то будет со мной.
Вслед глядит подоконник
Светящей совой.
Рвется сизое поле
В летящем дыму.
Старость воеет на горе
В забытом дому —
Видно, рухнет без славы
Напиться росы
О бездольные травы
Споткнувшийся сын...

Может все это было?..

Чужая постель.
Ночь. Декабрь. Гостиница.
Метрдотель.
И метель...

Мне не спится.
Командировка.
Новогодняя остановка.
Словно елкой картонной
Совсем без игрушек
Третье детство присело
У тонкой подушки.
Невеселые сводки.
Трещит репродуктор.
— С Новым годом! —

как плеткою.

В детском саду
Не хватает продуктов...
— За победу, товарищи, в Новом году!

И потеряны варежки
на ходу.

Ничего я не знаю
О пулях, войне.
Только холод гуляет
По зимней стране.
Мама чашки роняет.
И кто-то чужой
Танком землю ровняет
Над нашей родней.
Продуктовые карточки.
Мерзлые стены...
Почему-то расплакалась
Тетя Эмма...
Мерзнут руки и уши.
А я — непослушный...

Может, этого не было?..

Кто я? Откуда?
Граммы черного хлеба.
Сырая простуда.
И прокуренный дом.
Лампа, спички и лист.
И над светлым листом
Чьи-то деньги и свист.
Чей-то окрик оттуда,
Из первого детства.
Словно бьется посуда
И некуда деться.
И стучат каблучки
По стеклу, по стеклу.
И стоят трубачи
На осеннем ветру.
И зовут трубачи.

И суровы поля.
И царица молчит.
И уже не моя.
И опять мне дороже
Разгаданных стран
Эх, дороги, дороги
И пыль, и туман...

За окошком сегодня
Бушует зима,
Словно белые кони
Летят без ума.
Словно все это было
Когда-то со мной.
У порога знобило.
И ветер — сквозной.
Потому и не спится
В метель до зари,
Что спешат в колесницах
Седые цари.
И зовет непослушных
В далекий этап
На казенной подушке
Гостиничный штамп.

* * *

Ты спасительна. Инка. Инка.
Журналистка, малышка, льдинка.

В снегопаде афиши, титры.
В снегопаде — мурзилка в свитере.

Где тебе в этот холод, лед
тоже ходится, не везет?

Телефоны трезвонят ложью.
Как расплывчаты эти рожи!
С кем хохочут! Кого морочат?
И аварии нам пророчат.

Как ты все пропускаешь мимо!
Как ты все понимаешь, милая.

Среди снега, машин, лотошниц
как продрогли твои ладошки.

Как они от беды хранят!
Что они
для меня таят?

И над городом занесенным
машут нежно, незащищенно.

(мандаринами фары катятся,
люди дышат в тебя, как МАЗы),

Иногда мне так страшно кажется,
что они на прощанье машут

Ты на лестнице постоишь.
Ты на цыпочках позвонишь.

Принесешь мне огни с мороза
все в снегу, как шары мороженого..,

Я губами к пальчикам чутким
припадаю, как будто к чуду.

Летнее

Ленив я. Живу на юге.
Плыву. И лежу в песке.
По вечерам
                  в июле
качаюсь,
                  как в гамаке.
Куда мне решать,
                  кумекать!
В республику врос,
                  как пень.
Не то, что вскочить, уехать —
пошевелинуться
                  лень.

Один из моих знакомых
сложил свою жизнь законно —

рванул от нашей жары,
от сплетен и мишуры.

Ему на морях качаться
у берегов камчатских.

И сети со дна вытягивая,
с рыбацких своих высот
не вспомнит он про лентя
и рыбу мне не пришлет.

(Окраинами спокойными
сонно верша полет,
в звездах над подоконником
небо мое плывет).

За стенкой без прочих выгод,
включив свой настольный свет,
пошел на восьмую книгу
лысеющий проф. поэт.
(проф — суть — профессиональный.
Я к сложности не влеку,
но если писать нормально,
не влезет оно в строку).

Он лирик. Поет о почках.
Слагает он про весну.

А я, не дойдя до точки,
над строчкой своей усну.

В республике лето душное.
На дачах спят аксакалы.
Над вещими снами уши
вздыхают, как опахала.

И я говорю порошне:
«Вовеки блажен причал...».

Но что меня так тревожит,
мучает по ночам?

И отчего на юге,
когда остаюсь один,
я брежу полярным кругом,
мерцанием вольных льдин

и слышу полночный оклик
заснеженных деревень?..

Кто-то стучит мне в окна...
Снится белый олень...

* * *

А Т С,
у меня телефон обалдел.
Трубку сдернешь,
и город завыл, загудел.
Рассуждают о матчах, свиданьях, делах.
И сшибаются лбами слова в проводах.
Все секреты любви, происшествий и драк
А Т С в центре города сжала в кулак.
А Т С,
ты царуешь, звонками звеня.
А Т С, ты всеильна.
Не мучай меня.
Абоненты твои
до конца обнаглели.
Абоненты твои —
развеселый народ.
В пол-четвертого ночи
я спрыгнул с постели.
Позвонили,
сказали, что я идиот.
Упаси, А Т С, от подобных друзей.
Каждый день становлюсь я мрачнее и злей,

потому что друзей у меня миллион,
сотни три автоматов на мой телефон.
Но звонят не о том.

И не те мне звонят.
Говорят, говорят, говорят, говорят...
А Т С,

У меня под глазами круги.
А Т С, умоляю,
сумей, помоги.

Где-то в мире врагов,
постоянных обид
мне один человек третий год не звонит.
Был он в шарфике светлом.
Ко мне приходил.
А теперь он на свете остался один.

Ходят туфельки белые в мокрой листве...

Только где они ходят?
В Калуге? В Москве?
А Т С, умоляю,

наведи ее пальчик.
Пусть мой номер забьется в тебе
и заплачет.
Пусть не будет других телефонов на свете...

Но летят провода
и свистят по планете.
Телефоны в квартирах чернеют зрачками.

А Т С среди ночи мигает звонками.

* * *

А во мне туман растаял.
Так свежо и непривычно
осень красная хрустальна,
осень красная скрипична.

Это кончились качели.
Это вспыхивает лето,
как закатное свечение
голых веток, тонких веток.

Но светло во мне взрослея,
ты все чаще хочешь чуда.
А глаза уже краснеют
от предчувствий, от предчувствий.

И стекла касаясь тихо,
головой в окне качая,
осень смотрит, словно птица,
на прощанье, на прощанье.

Листья бьются о булыжник,
и куда-то еле слышно
лыжники на желтых лыжах
шелестят по нашим крышам.

* * *

Пустые полночи конечных остановок.
Покуривает молча
  мой водитель.
Беру билеты,
  чтоб сегодня снова
зевнул он мне устало:
  «Выходите...»
Ему заранее
  маршруты, расписания
диспетчеры
  под стекла положили.
Но не учли диспетчеры
  заранее
таких вот
  диких пассажиров.
Я выйду в осень
  темную,
  шуршащую,
под звездное
  густое домино,
где колокольчик
  платяцца пропадающего

на стебельках
качался у кино.
Я снова здесь. Перебираю снова,
что принял я и все, что я не принял...
Водитель,
подрулив к ночной столовой,
сейчас погасит свет
в своей кабине.
И проглотив
дежурную котлету,
он сплюнет пыль
пристанционной саж
и в тьму маяча
точкой сигареты,
он, как вчера,
мне ничего не скажет.
Мазутной насыпью
чего-то основного
ищу опять,
разбитый и усталый...
За пустотой конечных остановок
гудят куда-то
дальние составы...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«За нашим стадионом велотреки...»	5
«Ах, какое серебро из-под копыт!...»	7
«Отгрохали небесные аварии...»	8
«Я обожаю утренние рынки...»	10
• «Помнишь, звенели...»	12
«Над равниною звезды...»	14
• «С вокзала я...»	16
• «В мире огней...»	18
Рожественские каникулы	20
«В Лозовеньках тихая вода...»	23
• «По улицам крутящимся...»	25
Дважды два	27
«Последних дач кривые загородки...»	32
«В пустой ночи...»	34
• Сказка про желтого гнома	36
Археология. 31 декабря	39
«О, весенние потоки!..»	42
Геодезия. На сон грядущий	44
• Осень 1942-го	46
• В семнадцать лет	48
«В этом доме говорят о стихах...»	52
Геодезия. Страна ~~А~~ мерика	54
Мама моя	59
«Жди скрипача...»	61
Зимнее	62
Топографический	63
• Филфаковское	66
• Телеграмма на север	69
• Ночное	72
• «Мне бездумно и легко...»	76
Ноябрь	78
Метель	80
«Ты спасительна...»	85
Летнее	87
• АТС.	90
«А во мне туман растаял...»	92
«Пустые полночи конечных остановок...»	93

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ФАЙНБЕРГ

ВЕЛОТРЕКИ

Стихи

Редактор *Р. Галимов*

Худож. редактор *К. Назаров*

Техн. редактор *Л. Федорова*

Корректор *Л. Фартушенко*

Сдано в набор 19/VIII-64 г. Подписано в печать 16/I-1965 г. Формат 70×108^{1/2}.
Печ. л. 3,0. Усл. п. л. 4,2, Уч.-изд. л. 4,8. Р—0252). Тираж 10000. Договор №77—64.
Цена 26 коп.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана „Еш гвардия“, Ташкент, ул. Навои, 30

Объединенное издательство ЦК КП Узбекистана

Р2
Ф17

«Велотреки» — первый сборник Александра Файнберга. Многие из написанного прочувствовано и понято благодаря работе в геодезии, постоянным командировкам, людям. В сборник включены стихи 1963—64 гг.

Файнберг А.

Велотреки. Стихи. Т., «Еш
гвардия», 1965. 96 стр.

Р 2.
Ф 17.

